

DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-3-89-97
УДК 327(045)

РОССИЙСКО-АМЕРИКАНСКИЕ ОТНОШЕНИЯ И ИХ СИРИЙСКИЙ ШАНС*

Мирзаян Геворг Валерьевич,

канд. полит. наук, доцент Департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия
GVMirzayan@fa.ru

Аннотация. У России и Соединенных Штатов объективно существует множество общих интересов (если, конечно, рассматривать понятие «национальный интерес» в отрыве от идеологических наростов и исторических предрассудков). Причем, не только на глобальном (борьба с терроризмом, нераспространение, сокращение стратегических наступательных вооружений), но и на региональном уровне. Так, и Москва, и Вашингтон заинтересованы в создании системы коллективной безопасности в Восточной Азии, которая поможет не только стабилизировать ситуацию на Корейском полуострове, но и каким-то образом сдержать китайскую экспансию в регионе (правда, у России и США разное понимание условий этого сдерживания). Однако куда более интересной и прикладной видится схожесть российско-американских отношений в регионе Ближнего Востока. Несмотря на то что США и Россия сейчас противостоят друг другу на сирийском поле, у них есть серьезное пространство для договоренностей относительно будущего этой страны и роли Ирана в ней. Опять же, пространство возникает исходя из объективных целей и задач игроков, а также наличия ресурсов для их выполнения. Целью США является сдерживание иранской экспансии в регионе, и коль сейчас уже невозможно выдвинуть Иран из Сирии и Южного Ирака, то необходимо как минимум разбавить его там другими игроками. В то же время целью России является закрепление своих позиций на Ближнем Востоке – а это возможно лишь в том случае, если в регионе не будет какой-либо доминирующей силы. Американской или иранской – не важно. Поэтому Кремль заинтересован в конструировании регионального баланса сил и готов даже поработать в качестве посредника между противоборствующими сторонами. Правда, для использования этого посредника Соединенные Штаты должны, наконец-то, осознать его важность и нужность.

Ключевые слова: США; Россия; Сирия; Иран; Турция; ИГ; Ближний Восток; российско-американские отношения; «прохладная война»; национальные интересы

RUSSIA-US RELATIONS AND THEIR SYRIAN CHANCE**

Mirzayan G.V.,

PhD of Political Science,
Associate Professor, Department of Political Science,
Financial University, Moscow, Russia
GVMirzayan@fa.ru

Abstract. There are a lot of common interests between Russia and the United States (if, of course, we analyse within the concept of “national interest” isolated from ideological issues and historical prejudices) – not only in the global issues (war against terrorism, non-proliferation of nuclear weapons, reduction of strategic offensive weapons), but also at the regional level. Both Moscow and Washington are interested in creation

* Статья выполнена при поддержке гранта РФФИ № 17–37–01001–ОГН «Лоббизм и санкции США и ЕС: сравнительный анализ» 2017–2019 гг.

** The article was supported by the RFBR grant No. 17–37–01001–OGN “Lobbying and US and EU sanctions: a comparative analysis for 2017–2019”.

a collective security system in East Asia, which will not only help to stabilize the situation on the Korean Peninsula, but also somehow hold back Chinese expansion in the region (though Russia and the United States have a different understanding of the concept and ways of this deterrence). However, the resemblance of Russian-American relations in the Middle East region seems to be even more interesting. Even though the US and Russia are opposing each other in the Syrian field, there are common views about the future of this country and the role of Iran. Again, the space for agreement arises from the objective goals and objectives of the players, as well as the availability of resources for their implementation. The US goal is to curb Iranian expansion in the region, and since it is now impossible to squeeze Iran out of Syria and southern Iraq, Washington wants at least to dilute its influence with other players. At the same time, Russia's goal is to consolidate its positions in the Middle East – and it is possible only if there is no dominant force in the region. Any force at all. Therefore, the Kremlin is interested in constructing a regional balance of power and is even ready to work as an intermediary between the opposing sides. But if the US wants to use this mediator, they must realise its importance and necessity.

Keywords: USA; Russia; Syria; Iran; Turkey; ISIS; Middle East; Russian-American relations; “cool war”; national interests

Будущее российско-американских отношений видится в Москве (как, в общем, и в Вашингтоне) в весьма мрачных тонах. Несмотря на наличие значительного количества общих и схожих интересов, серьезного взаимодействия между Москвой и Вашингтоном не предвидится. Виной всему не только русофобия, которая царит в американских коридорах власти и густо замешана на фобиях холодной войны и прагматичном желании сохранять в наличии соперника для мобилизации американского общества. И даже не только нежелание Соединенных Штатов признавать изменившуюся систему международных отношений и адаптироваться под нее. Проблема в отсутствии банального понимания. Анализ российских и американских работ серьезных ученых показывает, что Москва и Вашингтон живут в разных парадигмах и по-разному воспринимают свою роль и роль оппонента в текущих международных отношениях. Причем, что интересно, обе страны видят несуществующую реальность. США рассматривают ситуацию с точки зрения устаревших парадигм однополярного мира, тогда как Москва пытается оценивать ее через призму будущих правил игры в многополярном мире. Вот они и не могут договориться. А иногда кажется, что и не хотят.

Тем не менее между Россией и Соединенными Штатами объективно существует множество общих интересов (если, конечно, рассматривать понятие «национальный интерес» в отрыве от идеологических наростов и исторических предрассудков).

УСЛОВИЯ НОРМАЛИЗАЦИИ ПОКА НЕВЫПОЛНИМЫ

Если абстрагироваться от радикальных заявлений со стороны СМИ и околополитического сообщества и обращать внимание на публикации серьезных экспертов, то можно увидеть, что и в США, и в России есть запрос на нормализацию отношений. Так, по словам известного американского политолога Дмитрия Саймса (ныне ведущего на российском Первом канале), США должны искать способы нормализации отношений с Россией «без иллюзий и с позиции силы» [1]. То есть на основе «реалполитик», с учетом множества общих интересов в мире. Однако те же самые эксперты признают, что сделать это на сегодняшний день невозможно по целому ряду причин.

Во-первых, на пути любого конструктива в двусторонних отношениях лежит созданный в 2016 г. и с тех пор укореняемый в американском сознании миф о вмешательстве России в американские выборы. Эта идея уже стала аксиомой, и ее влияние на американское сознание нельзя недооценивать. «Путин и его окружение считают, что в США гипертрофируют ситуацию; рассматривают ее как странный элемент американской политики и дубинку, которой бьют по администрации Трампа. До тех пор, пока они не поймут, что пункт о российском вмешательстве не является идиосинкразией американской политики, что для Конгресса и внешнеполитического истеблишмента США это серьезнейший вопрос национальной безопасности — и посему центральный элемент в российско-американских отношениях — невозможно будет преодолеть негативное влияние этой истории на эти отно-

шения», — говорит Роберт Легвольд из Колумбийского университета [2]. Именно поэтому, как считает ряд экспертов, в основе всех соглашений должна лежать ясность относительно участия России в президентских выборах 2016 г. [3]. Причем в американском понимании ясность — это признание Россией самого факта участия, которое Москва дать не может. И не только потому, что согласие признать за собой не доказанную никем вину в одном из самых серьезных преступлений, которые Запад инкриминирует Кремлю, серьезно пошатнет российскую позицию и в других вопросах (например, в «Деле Скрипалей»).

Во-вторых, у сторон разница в восприятии. «У Москвы и Вашингтона разное понимание того, чтоб является продуктивными отношениями. Путин ...хочет чтобы США относились к России как к Советскому Союзу. То есть признавали суверенитет России как великой державы, чьи меньшие соседи имеют лишь частичный суверенитет, а также рассматривали Россию как равную себе», — говорит известный американский специалист по России Анджела Стент [4]. Вашингтон отказывается принимать такую позицию, требуя от Москвы играть по американским правилам однополярного мира.

Возможно, Россия и не требует такого же отношения и уважения, какое было к Советскому Союзу (чьи интересы распространялись на весь мир, а потенциал был близок к американскому), однако Кремль хочет уважения к своему суверенитету и своим интересам на постсоветском пространстве — своей неотъемлемой сфере влияния.

Трамп в принципе понимал эту позицию и даже готов был пойти навстречу Путину — как по причине невысокой важности этого региона для нового президента, так и потому, что Трамп все-таки реально смотрит на вещи. «Реально ли полагать, что Россия, обладая на порядок большим весом, чем ее соседи, не будет оказывать на них никакого влияния? И разумно ли ожидать, что страна такого глобального масштаба, как Россия, будет наблюдать со стороны, как геоэкономические и геополитические блоки приближаются к ее границам, постепенно поглощая соседние страны?» — вопрошают Сэм Чарап и Тимоти Колтон [5]. В какой-то момент даже ходили слухи о том, что хозяин Белого дома готов «продать» России постсоветское пространство в обмен на российские уступки в дальне- и ближневосточных вопросах. Однако развернувшаяся антироссийская истерия не дала возможности Путину и Трампу договориться об условиях такого

обмена. «Трамп настолько изолирован по российскому вопросу в США, что это стало проблемой для Путина», — признает Джереми Шапиро [6].

К сожалению для Вашингтона, это стало и проблемой для самих Соединенных Штатов. Ведь в итоге Москва вынуждена конфликтовать с американцами, в том числе и на глобальном уровне. В том числе, где-то и в ущерб своим интересам. Так, ряд американских экспертов (включая директора программ России и Евразии в Центре Карнеги Юджина Рамера [7]) отмечают, что стремление Москвы ликвидировать американский, а точнее даже западный, миропорядок деструктивно с точки зрения национальной безопасности самой Москвы, что в западном мире России жилось бы куда комфортнее, чем без него или же в китайском, что Кремлю выгоднее и дальше торговать в долларах, являющихся не только гипернадёжной валютой, но и всеобщим эквивалентом современного мира.

ПОРЯДОК ДЕМОНТИРУЕТСЯ

И в этой аргументации есть доля правды. Россия действительно западная страна, и ей действительно близки западные либеральные (в классическом смысле этого слова, а не в том, тоталитарно-либеральном нынешнем его значении) традиции. Однако проблема в том, что нынешний западный миропорядок разрушается самими Соединенными Штатами, которые, являясь его хранителем, злоупотребляют своим положением и разрушают те самые привлекательные либеральные правила игры в угоду своим интересам или, что еще страшнее, фобиям. И это началось отнюдь не при Трампе, а стало скорее следствием «развращения» американцев однополярным миром. Так, «на пространстве Евразии основные внешние акторы стали более решительно и последовательно стремиться к одностороннему преимуществу. Вместо того, чтобы попытаться выработать привычку к взаимовыгодному сотрудничеству, они постоянно нацеливались на победы за счет другой стороны. За этим следовала контрэскалация, государства повышали ставки, даже если политика была плохо продуманной и контрпродуктивной, — пишут американские политологи Сэм Чарап и Тимоти Колтон, — Игра с нулевой суммой принесла соответствующие результаты — с отрицательной суммой. Границы государств были пересмотрены, распространялась враждебность и даже ненависть, отношения глобальных держав оказались разрушены» [5].

Да, ожидать скорого падения *Rax Americana* не стоит. «До тех пор пока американская экономика демонстрирует тенденции роста и пока разрознены противники американского неомеркантилизма, стратегия санкций будет приносить США дивиденды. Незападные страны во главе с Китаем могли бы поставить заслон этой стратегии, но все еще изготавливаются к борьбе политически и психологически. Европейцы же либо идут на уступки, либо демонстрируют неспособность защитить свой бизнес от американского давления», — говорит Андрей Цыганков [8]. Однако эрозия его уже идет, и, возможно, необратима по своей сути. Россия в таком мире жить не хочет, и в сотрудничестве с целым рядом других стран (причем не только Китаем) уже активно работает над формированием нового.

Ситуацию в российско-американских отношениях усугубляет тот факт, что, по мнению ряда американских экспертов, Путин работает над этим демонтажем вместе со своим американским визави. И дело тут даже не в том, что российский президент посредством ниточек дергает американского. Саммит между Трампом и Путиным в Хельсинки «не был встречей врагов. Это была встреча союзников, с близкими интересами и общими целями. И, как ни странно, речь не о выборах 2016 г. У них общий взгляд на либеральный мировой порядок, который США помогли создать семьдесят лет назад. Оба лидера стремятся этот порядок уничтожить», — говорит Роберт Каган [9]. Однако это не совсем так. Да, Трамп работает над изменением либерального миропорядка. Да, американский президент (в отличие от истеблишмента) не отягощен фобиями относительно Москвы и не рассматривает ее через призму менталитета холодной войны. Трамп — политический бизнесмен, поэтому прежние заслуги и прегрешения (если они, конечно, не касаются действий в отношении него лично — например, действий Киева в ходе предвыборной кампании) не в счет. Скорее, наоборот, они являются шелухой, которая мешает трезво оценивать реальность. «Иногда наши самые ужасные враги — это наши так называемые друзья», — говорил Трамп [10].

Однако Трамп принципиально не готов принять и тот новый, многополярный мир, который строят Россия и Китай. Мир этот предполагает не только невмешательство во внутренние дела, но и некий «Совет директоров» в лице крупных региональных держав. Для Трампа это неприемлемо, он позитивно воспринимает лишь тех партнеров, которые

безоговорочно принимают американское лидерство, проводят проамериканскую политику и при этом не являются нахлебниками. В ином случае это как минимум обуза, а как максимум — противник». И в этом плане «его пресловутое уважение к Путину (и наоборот) связано с родством идеологического свойства, но отнюдь не с родством интересов. Оба лидера прекрасно понимают, что нахождение общего языка не означает согласия. „Полоадить” с Путиным Трамп готов лишь на своих условиях, в которых России отведена роль страны, помогающей США давить на конкурентов и всецело принимающей американскую глобальную гегемонию», — говорит профессор университета Сан Франциско Андрей Цыганков [8].

МОЖЕТ, ЛУЧШЕ ПЕРЕЖДАТЬ?

Ситуацию усугубляет высокий уровень недоверия между странами. Он уже приводит к тому, что целый ряд конфликтов переходят в режим самоэскалации. Так, Дов Закхейм привязывает создание американской и натовской военной инфраструктуры в Восточной Европе к продолжению нарушения Москвой договора о РСМД [3]. В любой другой ситуации вопрос был бы уже давно решен посредством переговорных платформ, однако конструктивные переговоры по РСМД сейчас маловероятны — стороны не доверяют друг другу, обвиняют друг друга в нарушении соглашения, не собираются идти на уступки из-за внутривнутриполитических факторов, и все это происходит на фоне роста политической напряженности.

Неудивительно, что российские эксперты достаточно скептически относятся к перспективе двусторонних отношений. В лучшем случае они считают, что сейчас не время договариваться. По словам члена Совета по внешней и оборонной политике Александра Высоцкого, Америка сейчас похожа на курицу без головы. «Причем курица физически очень мощная, продолжающая свой бег, размахивание крыльями и даже попытки взлететь. Зрелище не из приятных, — отмечает он, — А теперь представьте себе, как выглядит другая курица, пытающаяся усадить эту несчастную калекку (мягко говоря) за стол переговоров и начать обсуждать стратегические вооружения, судьбы Сирии и Украины или расширение НАТО на Восток. Приходится признать, что эта вторая курица выглядит в чем-то даже хуже первой. По меньшей мере — неадекватно и смешно» [11].

Кроме того, получается, что за закрытыми дверями или в профессиональном окружении

российский и американский президенты договариваются о решениях, а потом глава Белого дома просто не может «продать» эти решения политико-академическому истеблишменту, журналистскому сообществу и простой американской публике. «Демократы ненавидят Россию потому, что винят ее за избрание Трампа. Республиканцы ненавидят потому, что всегда ненавидели. Госдеп ненавидит потому, что Москва ненадлежащим образом обращается с американскими дипломатами и нарушает соглашения. Минобороны ненавидит потому, что рассматривает Россию как сильного конкурента. Собственные советники Трампа ненавидят Россию потому, что все они пришли из вышеозначенных групп», — говорит Джереми Шапиро [6].

В худшем же считают, что договориться с США нельзя в принципе, поскольку Америка не настроена на компромисс со своими противниками. «Прекратить борьбу на „внешнем“ фронте Запад может, только инкорпорировав противника внутрь себя на тех или иных условиях, как это произошло с Германией в 1945 г. и предлагали сделать наиболее мудрые западные политики и ученые в отношении России после 1991 г.», — уверен директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «ВШЭ» Тимофей Бордачев [12].

Собственно, сейчас реализуется «худший случай» — лидеры не могут попытаться договориться, поскольку не могут даже организовать переговоры. Ни в Париже, на саммите, посвященном столетию окончания Первой мировой, ни в Буэнос-Айресе, на саммите G20. В последнем случае Трамп попросту отменил встречу. Формально — из-за эскалации ситуации возле Керченского пролива (где Москва арестовала украинские корабли, вторгнувшиеся в территориальные воды РФ и не захотевшие оттуда уходить), а фактически — из-за осложнившейся для него за сутки до саммита внутривнутриполитической ситуации в самих США.

29 ноября Майкл Коэн, долгое время бывший личным адвокатом Дональда Трампа, признал, что лгал американскому Конгрессу о том, что у нынешнего президента после января 2016 г., якобы, не было плана по строительству «Трамп Тауэр» в Москве. Согласно новым показаниям адвоката, вплоть до июня 2016 г. Трамп, якобы, получал прямую информацию от него относительно шедших переговоров о реализации проекта. Нынешние адвокаты Трампа говорят о том,

что проект ограничивался лишь декларацией о намерениях, и переговоры никуда не зашли, а сам президент называл Коэна «слабым человеком», пояснил, что бывший адвокат просто хочет таким образом «скостить срок» из-за обвинений в мошенничестве (Коэн обманывал кредитные организации, завышая стоимость залоговых активов в виде лицензий на такси) [13]. Однако получается, что Трамп врал относительно отсутствия бизнес-интересов в России — а значит, по мнению его противников, был лично заинтересован в хороших отношениях с Путиным, который (как утверждают демократы и их сторонники) в это же время стал с помощью хакеров поддерживать избирательную кампанию нынешнего главы Белого дома. Понятно, что в такой ситуации переговоры с российским лидером в Аргентине лишь подлили бы масла в огонь.

Да, возможно, это отношение к России изменится, ведь, по сути, причины конфликтности все-таки субъективны. Если Вашингтон будет трезво смотреть на вещи и выразит готовность адаптироваться к меняющемуся миру, а не отрицать изменения, то выяснится, что у него с Москвой не так много противоречащих интересов. Однако в краткосрочной перспективе такое изменение маловероятно. И на сегодняшний день «в российско-американских отношениях больше всего разочаровывает то, насколько легко стороны вернулись к мышлению холодной войны. Обе стороны искренне считают, что модели и практики того времени лучше всего подходят для решения сегодняшних проблем», — говорит Джереми Шапиро [14]. В итоге получается, что Соединенные Штаты и Россия конфликтуют там, где могут сотрудничать, и там, где конфликтовать просто невыгодно. В первом случае речь идет о Ближнем Востоке, а во втором — об Украине.

ИРАНСКАЯ ОСЬ

Ключевым интересом Трампа, своего рода осью его ближневосточной политики является иранский вопрос. В доктрине национальной безопасности США Иран вообще назван «главным мировым государством — спонсором терроризма, а также основной причиной отсутствия благосостояния и порядка на Ближнем Востоке». Во время своего выступления на Генассамблее ООН Трамп расширил этот тезис. «Иранские лидеры сеют хаос, смерть и разрушения. Они не уважают своих соседей, границы или суверенные права государств. Вместо этого они разворовы-

вают национальные ресурсы, чтобы обогащаться и распространять хаос по всему Ближнему Востоку и далеко за его пределами... Диктатура использовала средства для создания ракет, способных нести ядерные боеголовки, для усиления репрессий внутри страны, для финансирования терроризма и финансирования хаоса, разрушительных действий и кровопролития в Сирии и Йемене», — отметил американский лидер [15]. По сути, в понимании американцев Исламское государство было, скорее, лишь временной проблемой, которая отвлекла внимание от иранских дел. «В 2014 г. транснациональной силой, представлявшей из себя самую большую опасность на Ближнем Востоке, было не ИГ, а КСИР со своими сателлитами», — пишет американское издание The Hill [16].

На первый взгляд, заявления достаточно странненькие. Иранцы действительно достаточно активны, возможно, даже агрессивны на Ближнем Востоке. Однако большая часть их действий носит, скорее, оборонительный характер. Политика Исламской Республики в Ираке и в Сирии нацелена на защиту их «передовых форпостов» на Ближнем Востоке от влияния стратегического противника — Саудовской Аравии и потенциального противника — Турции. А поддержка хуситов в Йемене является (помимо, в общем-то, защиты местных жителей от саудовских интервентов) элементарным «конфликтом на периферии» в рамках общего конфликта с Саудовской Аравией. Никто, конечно, не ожидал от Трампа защиты Ирана в этом конфликте, однако то, что он позиционирует Тегеран не просто как основное зло на Ближнем Востоке, но и как одного из главных противников США, вызывает удивление.

Причин такого позиционирования несколько. Во-первых, Америке (как и любой сверхдержаве) нужен свой враг, против которого можно действовать. Международный терроризм для этого слишком аморфен (придется вновь персонализировать его в фигуре масштаба Бен Ладена — а таких нет), Китай слишком важен как торговый партнер, Россия слишком сильна для реального противостояния, Ким Чен Ын чересчур непредсказуем, ибо ему терять нечего. А вот Иран — идеальная кандидатура. Относительно слабое (по меркам Запада, конечно же) государство с крайне негативной историей отношений с США. Поэтому — и с единой позицией в отношении него среди американского истеблишмента (демократы могут не согласиться с методами

сдерживания Ирана, но они поддерживают саму идею сдерживания). Кроме того, у Трампа есть надежные региональные союзники, от которых он за сдерживание Тегерана получит не благодарность (как в случае с рядом европейских стран по российскому вопросу), а практическую пользу. Например, поддержку еврейского лобби в США (Тот же Нетаньяху уже заявил, что «полностью поддерживает решение Трампа о выходе из ужасной сделки» [17]) и многомиллиардные саудовские контракты. Вот и получается, что Иран враг более чем удобный.

МОСКОВСКИЙ ИНТЕРЕС

Совпадает ли стремление Трампа сдержать Иран с российскими интересами? На первый взгляд, нет — Иран является российским стратегическим партнером. Кроме того, антииранские действия США задевают российские интересы в Сирии. Однако, с другой стороны, Москве выгодны антииранские эскапады Трампа. Прежде всего потому, что они серьезно дискредитируют Вашингтон, причем не просто среди партнеров по международному сообществу, но и среди союзников.

Если бы США разорвали сделку по причине неисполнения ее Ираном, то союзники бы поняли. Однако уникальность нынешней ситуации в том, что Тегеран условия соглашения полностью исполнял (о чем говорилось в регулярных докладах МАГАТЭ), а Трамп вышел из сделки просто потому, что ему не нравится Иран и его политика на Ближнем Востоке. «Вот так вот исчезает один из важнейших инструментов американо-иранской дипломатии — не под звуки взрыва, а под звуки нытья», — говорит замдиректора внешнеполитического направления Брукингского Института Сьюзан Малун [18]. И союзников такой повод для разрыва исторической сделки крайне раздражает, ведь действия США не просто ликвидируют важнейшее прецедентное соглашение по предотвращению распространения, но и приводят к многомиллиардным потерям европейских компаний. Соединенные Штаты возобновили санкции против ИРИ, имеющие экстерриториальный характер, и в ультимативной форме потребовали от союзников их исполнять. «Санкции ударят по критическим секторам иранской экономики. Немецкие компании, которые работают в Иране, должны немедленно свернуть все свои операции», — заявил новый посол США в ФРГ Ричард Гренелл [19]. И большинство компаний подчинились, не получив при этом уже

сделанные инвестиции обратно. Поэтому, как абсолютно верно отметил бывший вице-президент США Джозеф Байден, решение о выходе «изолирует США в глазах почти каждой мировой державы, оно подорвет доверие к нам и наши лидерские позиции» [20].

Естественно, в такой ситуации и, что еще важнее, в такой атмосфере и в таком позиционировании Ирана американской администрацией диалог между Тегераном и Вашингтоном невозможен. Иранские власти требуют от Вашингтона прекращения давления. «Предположим, что ты — враг, и ты воткнул в человека нож. Затем ты говоришь, что хочешь вести с этим человеком переговоры. Что ж, тогда для начала ты должен вытащить из него нож», — говорит Хасан Роухани [18]. Однако у Трампа свое понимание этой метафоры. Американский президент намерен сохранять нож в иранском теле и периодически дергать его, дабы причинять иранцам боль и мучения — таким образом Тегеран быстрее пойдет на уступки ради того, чтобы санкционный нож наконец-то вынули. В ином случае кровотечение от него (экономические проблемы) будет прямой угрозой выживания иранского режима. Как абсолютно верно пишет журнал “Atlantic”, иранские элиты «не смогут избежать широких дискуссий о будущем иранской экономики и политической системы — дискуссий, которые запустили эти протесты» [21]. Однако, с другой стороны, требования Вашингтона в Иране позиционируются как предложения к самоубийству. «Да, советник по национальной безопасности Джон Болтон и Госсекретарь Майк Помпео официально не заявляют ничего такого, что могло бы трактоваться как требование смены режима в Тегеране. Однако публично они выставляют Ирану множество требований, которые звучат подозрительно и выглядят как некие предварительные условия. Это, вкупе с заявлением о необходимости «колоссальных перемен в поведении для снятия санкций, лишь порождает у Тегерана нежелание вести прямой диалог с США», — говорит Сьюзан Малуни [18].

СИРИЙСКИЙ ПРЕЦЕДЕНТ

Невозможность вести диалог вкупе с маловероятностью прямого военного конфликта (по причине наличия у Ирана средств для гарантированного ответного удара с причинением неприемлемого ущерба США — например, через блокирование Персидского залива или массированного ракетно-

го удара по Израилю) приводит к тому, что между США и Ираном разворачиваются многочисленные конфликты на периферии. Да, везде Иран выигрывает, однако Россия становится заложником этих конфликтов. По крайней мере, в Сирии. Нынешней целью Москвы в ее сирийской кампании является выход на политическое урегулирование гражданской войны и формирование поствоенного статус-кво. Причем Москва является, пожалуй, единственным членом сирийского триумvirата (Россия, Турция, Иран), который активно готов привлекать к урегулированию ситуации в Сирии третьи страны, а также учитывать их интересы в послевоенном устройстве. Причин российской компромиссности как минимум две. Во-первых, у Москвы нет денег на восстановление Сирии, и поэтому нужны внешние спонсоры (готовые, естественно, вкладывать деньги только при выполнении определенных политических условий). Во-вторых, Москва не заинтересована в доминировании на сирийском пространстве одной державы (особенно «местной»), поскольку это доминирование может привести к вытеснению России из Сирии. Москве нужен баланс сил, в рамках которого Кремль будет выступать в качестве своего рода балансира.

Да, Европа вроде бы согласилась обсуждать условия вложений, однако очевидно, что Брюссель не готов действовать в этом вопросе без учета позиции Вашингтона. «Запад — это не только сообщество, основанное на ценностях и интересах, но и режим, гарантом существования которого остается наличие гегемона. Роль его всегда исполняли США, располагавшие ресурсами многократно большими, нежели другие участники. И исключительная адаптивность европейцев к зигзагам американской политики говорит в пользу неизменности объективных причин такого порядка вещей», — говорит директор Центра комплексных европейских и международных исследований НИУ «ВШЭ» Тимофей Бордачев [12]. А Соединенные Штаты отказываются участвовать в переговорах о восстановлении САР, поскольку привязывают его к вопросу об иранском влиянии на эту страну. «Любой вариант разрешения гуманитарного кризиса в Сирии должен также включать стратегию по борьбе с жестоким режимом, который подпитывается и финансируется коррумпированной диктатурой Ирана», — заявил Трамп [15]. Однако на деле упорство Соединенных Штатов не означает, что они придерживаются какой-то иной стратегии

по Сирии — на деле никакой стратегии нет. Еще при Обаме американцы «упустили» «сирийскую весну» и действовали на сирийском пространстве исключительно в реактивном ключе. Уже при Обаме это «реактивное поведение» стало угрожать интересам самих Соединенных Штатов (например, когда Обаму загнали в ловушку и требовали нанести удар по сирийскому режиму из-за якобы использования Асадом химического оружия — удар, который втянул бы США в этот конфликт). При Трампе реактивное поведение продолжилось, и, как верно отмечала один из лидеров демократов в Палате представителей Нэнси Пелози, одна ночь ударов не означает, что у США есть стратегия по Сирии [22].

Трамп как прагматик все это понимает — как понимает и то, что сирийская кампания проиграна Ирану, и дальнейшее ее продолжение лишь ослабляет американские позиции, делает Вашингтон заложником боевиков, а также дестабилизирует отношения с Турцией из-за опоры США на сирийских курдов — дестабилизирует настолько, что турки уже поговаривают о выходе из НАТО. «С каких это пор защита границ НАТО доверяется террористическим группировкам?» — возмутился премьер-министр Турции Бинали Йилдырым. А президент Реджеп Эрдоган обвинил «тех, кто называет себя нашими союзниками» в том, что они воткнули нож Турции в спину [23]. Также Трамп понимает, что беспомощность США в Сирии дискредитирует Америку на международной арене. Как верно писал Джордж Кеннан, успешность США во многом зависит от того, «смогут ли Соединенные Штаты создать у народов мира впечатление того, что Америка знает, чего она хочет, ... может справиться со своими внутренними трудностями и той ответственностью, которую налагает на нее статус великой державы» [24].

Поэтому Трамп, в принципе, готов обсуждать приемлемые варианты выхода США из Сирии. Более того, выхода, который может позиционироваться им как победа. Именно поэтому Трамп еще в начале своей каденции заявил о том, что теперь целью США в Сирии является не свержение диктатора-Асада (чего невозможно достичь), а победа над терроризмом (который в лице ИГ уже побежден, что позволяет американцам в любой момент заявить: «мы победили, мы уходим»). Однако заявление это последует лишь тогда, когда Трамп договорится о минимизации нанесенного американцам ущерба — т.е. о каких-то ограничениях иранского влияния в Сирии. И посредником в этих переговорах (которые должны, в том числе, вестись и с Ираном) может быть только Россия. Успешные прецеденты таких соглашений на региональном уровне у Москвы есть — взять хотя бы соглашение по Голанским высотам, ограничивающее иранское военное присутствие в этой зоне. По некоторым данным, Кремль пытается убедить стороны приступить к более фундаментальным сделкам. Так, на закрытом заседании Кнессета Беньямин Нетаньяху заявил, что Москва уже предложила США сделку: снятие части санкций в обмен на вывод (частичный или полный — пока непонятно) иранских войск с территории Сирии.

Таким образом, не исключено, что на дальнейших переговорах между Путиным и Трампом (когда и если они, конечно, состоятся) сирийская тема будет одной из основных. И, наверное, одной из важнейших, ведь позитивный опыт сотрудничества по региональному вопросу (если, конечно, этот опыт все-таки будет) станет важным шагом по построению атмосферы доверия между двумя великими державами. И, возможно, потянет за собой конструктивные договоренности и по другим вопросам.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Simes D. The Costs of Ignoring Russia. *The National Interest*. 2017;(13Aug.). URL: <https://nationalinterest.org/feature/the-costs-ignoring-russia-21888>.
2. Legvold R. Getting America and Russia Back to Normal. *The National Interest*. 2017;(19Aug.). URL: <https://nationalinterest.org/feature/getting-america-russia-back-normal-21959>.
3. Zakheim D. America and Russia: Time to Come Clean. *The National Interest*. 2017;(16Aug.). URL: <https://nationalinterest.org/feature/america-russia-time-come-clean-21929>.
4. Stent A. America and Russia: Same Old, Same Old. *The National Interest*. 2017;(17Apr.). URL: <https://nationalinterest.org/feature/america-russia-same-old-same-old-21941>.
5. Колтон Т., Чарап С. Преодолеть логику нулевой суммы. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Preodolet-logiku-nulevoi-summy-19523>.
Colton T., Charap S. Overcome zero-sum logic. *Rossiya v global'noi politike*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Preodolet-logiku-nulevoi-summy-19523>. (In Russ.).

6. Shapiro J. Trump is coming off as Putin's poodle, but that actually undermines Russia's main goal. Brookings Institution. 2018;(20July). URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/07/20/trump-is-coming-off-as-putins-poodle-but-that-actually-undermines-russias-main-goal>.
7. Rumer E. Russia Is Winning — or Is It? *The Moscow Times*. 2018;(30July). URL: <https://www.themoscowtimes.com/2018/07/30/russia-is-winning-or-is-it-a62387>.
8. Цыганков А. Трамп и санкции: без иллюзий. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Tramp-i-sanktcii-bez-illyuzii-19748>.
Tsygankov A. Trump and sanctions: no illusions. *Rossiia v global'noi politike*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Tramp-i-sanktcii-bez-illyuzii-19748>. (In Russ.).
9. Kagan R. The United States and Russia aren't allies. But Trump and Putin are. Brookings Institution. 2018;(24July). URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/07/24/the-united-states-and-russia-arent-allies-but-trump-and-putin-are/>.
10. Boot M. Trump wants to Finlandize the United States. *The Washington Post*. 2018;(30July). URL: https://www.washingtonpost.com/opinions/global-opinions/trump-is-pushing-the-atlantic-alliance-to-the-breaking-point/2018/06/30/c054f0dc-7c8e-11e8-80be-6d32e182a3bc_story.html?utm_term=.e2aa479a9124.
11. Высоцкий А. Время для тайм-аута. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vremya-dlya-taim-auta-19724>.
Vysotsky A. Time for a timeout. *Rossiia v global'noi politike*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/global-processes/Vremya-dlya-taim-auta-19724>. (In Russ.).
12. Бордачев Т. «Две войны» Запада и России. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Dve-voiny-Zapada-i-Rossiia-19666>.
Bordachev Timofey. "Two wars" of the West and Russia. *Rossiia v global'noi politike*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Dve-voiny-Zapada-i-Rossiia-19666>. (In Russ.).
13. Leonnig C., Dawsey J. 'Individual 1': Trump emerges as a central subject of Mueller probe. *The Washington Post*. 2018;(29Nov.). URL: https://www.washingtonpost.com/politics/individual-1-trump-emerges-as-a-central-subject-of-mueller-probe/2018/11/29/e3968994-f3f7-11e8-80d0-f7e1948d55f4_story.html.
14. Шапиро Дж. «Война по доверенности» на Украине станет катастрофой. *Россия в глобальной политике*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Voina-po-doverennosti-na-Ukraine-stanet-katastrofoi-19512>.
Shapiro J. "War by proxy" in Ukraine will be a disaster. *Rossiia v global'noi politike*. URL: <https://www.globalaffairs.ru/number/Voina-po-doverennosti-na-Ukraine-stanet-katastrofoi-19512>. (In Russ.).
15. Ward A. Read Trump's speech to the UN General Assembly. *Vox*. 2018;(25Sept.). URL: <https://www.vox.com/2018/9/25/17901082/trump-un-2018-speech-full-text>.
16. Misztal B. Washington must contain the real Iranian threat to Middle East peace. *The Hill*. 2018;(17Jan.). URL: <https://thehill.com/opinion/international/369337-washington-must-contain-the-real-iranian-threat-to-middle-east-peace>.
17. Twitter of NBC. 2018;(08May). URL: <https://twitter.com/NBCNews/status/993923488963596290>.
18. Maloney S. Trump wants a bigger, better deal with Iran. What does Tehran want? Brookings Institution. 2018;(08Aug.). URL: <https://www.brookings.edu/blog/order-from-chaos/2018/08/08/trump-wants-a-bigger-better-deal-with-iran-what-does-tehran-want>.
19. Twitter of Richard Grenell. 2018;(08May). URL: <https://mobile.twitter.com/RichardGrenell/status/993924107212394496>.
20. Stange N. Five takeaways from Trump's Iran announcement. *The Hill*. 2018;(08May). URL: <https://thehill.com/homenews/administration/386814-five-takeaways-from-trumps-iran-announcement>.
21. Nasr V. What the Iran Protests Were Not. *The Atlantic*. 2018;(10Jan.). URL: <https://www.theatlantic.com/international/archive/2018/01/iran-economic-protests-urban-rural-divide/550211>.
22. Cooper H., Gibbons-Neff T., Hubbard B. U.S. Britain and France Strike Syria Over Suspected Chemical Weapons Attack. *The New York Times*. 2018;(13Apr.). URL: <https://www.nytimes.com/2018/04/13/world/middleeast/trump-strikes-syria-attack.html>.
23. Bulos N. Turkey says the U.S. "stabbed us in the back" by aligning with Kurds on the Syrian border. *Los Angeles Times*. 2018;(16Jan.). URL: <http://www.latimes.com/world/middleeast/la-fg-kurds-border-force-20180116-story.html>.
24. Heer P. Containment and China: What Would Kennan Do? *The National Interest*. 2018;(17Apr.). URL: <https://nationalinterest.org/feature/containment-china-what-would-kennan-do-25431>.